

Галина Целищева

Рассказы

Комплекс жертвы

Ляльку бросила мать. И не только ее, но и папу Славика, и великовозрастного балбеса Борьку.

А случилось это сразу после выпускного вечера, на котором Лялька была удивительно хороша в сшитом матерью платье. То, что она выглядит лучше своих одноклассниц, разряженных, как куклы Барби, в стоящих колоколом юбках из органзы, Лялька понимала, но все равно капризничала, злилась, донимала мать обвинениями в безвкусице, узости взглядов, ограниченности и в постоянном желании сэкономить.

Ее мучила досада, что платье не куплено в одном из модных салонов, названиями которых подружки щеголяли друг перед другом. Да и как посмела мама Наташа лишить ее головокружительных походов по магазинам и будоражащих примерок!

То, что папа Славик держит семью в финансовом кулаке, чувствовалось всегда, но теперь его, бравого подполковника, все чаще тянуло «оторваться» в веселой компании на стороне. А это занятие требовало денег.

Лялька первая обратила внимание, что отец постоянно подвозит на машине то одну, то другую молодую женщину, а мать в это время оттягивает руки пакетами из магазинов.

– Боря! Помоги мне сумки поднять! – звонила мама Наташа. Сын нехотя отрывался от телевизора и с видом человека, делающего одолжение, нес продукты на пятый этаж, не забывая по дороге что-нибудь вкусненькое положить в рот.

Борька мать жалел, но, слушая сетования на то, что ей мало кто помогает, изрекал:

– А что ты хочешь? У тебя же комплекс жертвы.

Мама Наташа когда-то окончила институт легкой промышленности, но из-за постоянных переездов из гарнизона в гарнизон, по специальности не работала, шила на дому женам военных. А в последнее время еще и мыла этажи офицерского общежития. Борис – студент третьего курса, видя мать со шваброй, смущенно объяснял товарищам, которых водил домой как в столовую: «Сегодня наше дежурство по этажу».

Папа Славик вообще делал вид, что так и надо, и даже как-то в ссоре бросил, что Наташа ни на что другое больше и не способна. А Ляльке все равно. Она сейчас находится в мире любовных переживаний, мечтаний и грез. Ну и что такого, что каждый из членов их идеальной семьи привык видеть маму обслугой: посудомойкой, уборщицей, кухаркой, прачкой, портнихой? Она же сама это место для себя выбрала!

Что стало последней каплей? Может, очередной Лялькин упрек в том, что мать и сама скромно одевается, и ей посоветовать ничего не может. Сшитые мамой Наташей изысканные наряды, по мнению девочки, явно проигрывали на фоне блестящих китайских тряпок.

После слов дочери Наташа как-то сжалась и вышла из комнаты. Лялька уже десять раз пожалела о сказанном и собиралась мать догнать и всем своим видом изобразить раскаяние, но тут семейная портниха вернулась с журналом мод двадцатипятилетней давности. «Ленинградский дом моделей» значилось на обложке, и почти на половине страниц – модельер Наталья Орлова.

– Ну, когда это было! Все давно устарело! – небрежно заявила Лялька, хотя в душе удивляясь и наличию альбома, и неизвестного отрезка в досемейной жизни мамы Наташи.

И вот теперь мама – в любимом городе Ленинграде, ставшем Санкт-Петербургом! И всё – дом или то, что принято называть «домом», семья, отношения в семье – рассыпалось на глазах.

Папа Славик с головой окунулся в мир страстей. Свобода. Но не забывал звонить жене и детям. Свобода свободой, но он все-таки – муж, отец и глава семейства. Предстать перед своими молодыми подругами в качестве «брошенного» ему ой как не хочется. Унизительно. Он как

ЦЕЛИЩЕВА Галина Ивановна родилась в деревне Согом Ханты-Мансийского автономного округа. Окончила Российский педагогический университет им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге, Литературный институт им. А.М. Горького. Автор пяти поэтических книг. Член Союза писателей России, кавалер Золотой Есенинской медали, лауреат Литературной премии им. А.П. Чехова, член-корреспондент Академии Поэзии.

щитом стал прикрываться успехами жены: «разрабатывает модели», «участвует в конкурсе», «показывает коллекцию в Доме мод». Он даже ею гордится. И уже не говорит, как раньше: «Плохонькая, да – своя!», а настаивает, чтобы Наташа подписывала работы фамилией Воронина. Совсем не потому, что хочет прославления через жену, а потому, что вдруг понимает: боится – покинет она его гнездо, расправит крылья, улетит и не оглянется.

Борька без материнского борща совсем сникает, реже бывает дома, грозит жениться: «Если встречу такую, как мама Наташа!». Но явно при этом вспоминает ее уютной, домашней, ласковой, а не такой, как теперь, – далекой и преуспевающей.

Лялька готова хоть сто раз на дню мять ненавистную посуду, лишь бы только все вернулось: дом снова стал Домом, а семья – семьей.

В университете она учится без удовольствия. Подумывает бросить. Не очень-то привлекает ее участь школьной учительницы. Хочется рукоплесканий, блистания на экране, фотографий в журналах. А что? С ее-то ослепительной красотой!

Единственное, что удерживает, – литературная студия. Как здорово стоять перед аудиторией и вдохновенно читать только что сочиненное стихотворение, которое кажется ей шедевром мировой поэзии. И руководитель – ничего. Седой, лысый, с припухшими губами бабника. Писатель. Звучит волнующе. Лялька прежде не встречала настоящего писателя, и ей лестно его внимание.

А он не слушает, ЧТО она читает, он просто смотрит, КАК она это делает. И явно представляет что-то такое, отчего на глаза его наплывает мечтательная дымка. «Как она хороша свежестью, неиспользованными резервами судьбы, нерастроченной энергией, красотой...» Старый перец так давно и интенсивно пожирает чужую молодость, что ему кажется, что он и сам молодеет. Писателю все равно, что станет потом с неопытными глупышками. Он одаривает их собой и думает, что когда он совсем состарится, а «позтески» повзрослеют, то будут с теплом и благодарностью вспоминать и прославлять незабываемые встречи с ним.

После семинара Писатель предлагает подвезти. Девушка соглашается, хотя понимает, что соглашается на большее, чем просто совместная дорога.

К себе он не везет. У него молодая жена – пятая или шестая по счету, хотя сам он, наверное, и счет потерял.

Машина направляется за город, минует кладбище и сразу – в лес. Дальше Писатель не едет – бензин экономит. Лялька видит темные кресты, кладбищенский мусор на месте их остановки. Вздыхает, обреченно закрывает глаза и отдается чужому сопящему человеку. Ничего не чувствует и не понимает – зачем?

Хотя, если покопаться в тайниках сознания, то откроется, что это в некотором роде –

месть маме Наташе, бросившей семью и уехавшей искать себя. И папе Славику, не остановившемуся в поисках наслаждений.

Борис не может дождаться полевого сезона, чтобы уехать в археологическую экспедицию. А там раскопки могил «плиточников», купание в горных реках, спирт из фляжки, песни под гитару, деревенские девчонки-певуньи, поля конопли и еще много такого, что потом приятно вспоминать. И ему совсем не хочется отправляться на сборы от военкомата. «Уж лучше бросить эту военную кафедру!» «Папа – офицер... В семье сильны воинские традиции... Понятие долга, чести... Да, пошли вы...»

– Борис, они даже согласны, чтоб ты длинные волосы не остригал.

– Так я и поверил! Завезут на полигон и оболванят...

Он и без офицерского звания хорош: высокий, статный, в кожаных штанах, в косухе, с вьющимися патлами. Девки балдеют. И Илоне нравится.

Илона. От этого имени у него начинает что-то мешать в груди. Он не понимает, хорошо это или плохо. Может, болезнь? Он-то знает одно лекарство – стакан водки. Северный принцип потребления алкоголя. Выпил – напряжение спало. Море по колено. Правда, утром тяжело. У папы Славика с похмелья всегда болит голова, поэтому он практически не пьет. А Борис – герой, ему трудности нипочем. Трудности закаляют.

Вот и сейчас лежит он с Андрюхой, профессорским сынком, на профессорской даче и умирает. По-настоящему. Паленая водка не одну жизнь унесла. Не хватает у него сил пошевелиться, до двери доползти, на помощь позвать. И вспоминает Борька маму Наташу. Как-то у нее так болело сердце, что не могла она до лекарства дотянуться. Смотрела на таблетку нитроглицерина и не могла. А Борька с очередной подружкой в соседней комнате музыку слушал. И не долетел до него мамин шепот.

– Что делать, мам? Каждый умирает в одиночку! – сказал он потом. Спокойно. Равнодушно. Цинично.

Смерть только тогда смерть, когда касается тебя лично.

Но удалось все-таки Андрюхе на этот раз «вызов» сотового нажать. Приехали. Спасли.

После этого вроде бы образумившийся Борис ведет Илону домой. Решает с отцом познакомиться. Пора наконец-то в жизни определиться, выбор сделать.

Папа Славик – при полном параде, в форме, со звездами. Как раз звание полковника получил. И замечает юноша с ужасом, как что-то в Илоне меняется. Уже и не смотрит в его сторону, заливаясь смехом от каждой солдафонской шутки. Он пытается ее остановить, обнять.

– Не надо, Боря!

И так поводит плечом, как будто что-то липкое, неприятное спешит сбросить.

Каменеет от такого двойного предательства. Теряется. А когда через день видит отца с Илоной в их машине, совсем с ума сходит. Напивается и дома на отца с кулаками идет:

– Ну ударь меня, ударь!

Хочется ему такой боли, которая бы заглушила нестерпимую боль внутреннюю.

Папа Славик не бьет, а просто вдавлиывает его в стену, со всей уверенной силой победившего самца. Хрустит зеркало за спиной и осыпается осколками, в которых мелькают детские личики Ляльки и Борьки, ласковые глаза мамы Наташи, торт с именинными свечками и первый футбольный мяч.

* * *

Писатель говорит об учениях восточных мудрецов. Говорит, что саморегуляция личности начинается с истока и, значит, с физического тела. А упряжка из тела, чувств и мысли – есть Наслаждающийся (Атман). Может, он говорит о себе, так как наслаждение – основной принцип его жизни. Он любит любовь. Он живет этим и чувствует себя мессией, проповедующим идею любви к ближнему. Девчонки замирают от ощущения сопричастности с чем-то великим и вечным.

Лялька прикрывает глаза. Сладкая истома запоздалой волной пробегает по телу. Она чувствует, что готова идти за разглагольствующим гуру куда угодно. Пугается: не увидят ли ее неконтролируемое желание. Оглядывается. У всех «поэтесок» – одинаковые выражения лиц. Сердечная червоточина делает свое пагубное дело.

Как-то в середине июня спешит наша студентка, уже почти второкурсница, на экзамен. Машины останавливает. Знакомая иномарка тормозит, выворачивая с улицы, ведущей на кладбище. Писатель рукой машет:

– Садись!

На сиденье рядом с ним – стильная взрослая дама. Смотрит высокомерно. А вечный любовник балагурит, представляет их друг другу. И непонятно: кем из них он хвалится. Но только вдруг видит Лялька: какая у него маленькая голова, какой он сутулый и сморщенный, как похож на облезлого старого серого волка.

Экзамен она даже и не пытается сдавать, чем крайне удивляет преподавателя.

Потом долго ходит по улицам и мысленно с Писателем разговаривает. Стыдит. Оправдывает. Проклинает. И, если верить тому, что мысль материальна, он должен уже сто раз превратиться в соляной столб или сгореть в адском огне.

Но с ним ничего не происходит. Он продолжает вести жизнь бурную, веселую, разноцветную, как калейдоскоп. «А – Бог? Неужели он не видит? Но, наверное, Богом так

задумано. Ничего этот стареющий мужчина не совершает предосудительного. Он просто доставляет удовольствие такому количеству женщин, какое может охватить.

Красиво жить не запретишь!

А, может, Бог просто выжидает момент, чтобы больше его наказать, лишиться чего-то такого, что станет для него невосполнимой потерей? Что это будет – самая желанная из его женщин, книга, превратившаяся в пепел, ужасная болезнь?»

В голове у Ляльки – строки:

*Кто ответит:
куда все катится?
Мир раздроблен,
слезой размыт...
Я – девчонка
в линялом платье,
ты – порочен и знаменит.
Наслаждаюсь
тирадой выспренной,
намечаешь, как надо жить,
учишь быть
свободной и искренней,
но не думаешь
мне служить.
Мы участвуем
в скучной драме,
где давно известен финал.
А стихи
о Прекрасной даме
ты когда-нибудь сочинял?
Выбираешь
роль Покровителя,
но огня нет в твоей крови.
По-крови-тели, по-крови-тели...
А девчонки хотят любви.*

Лялька где-то читала, что «хронический» бабник никогда не изменится. Эту устойчивую поведенческую модель не поправят ни любовь, ни забота, ни помощь специалистов. Тип женщин, которых он выбирает, обладает повышенной эмоциональностью, и, как правило, все они – истерички. Значит, его привлекают женщины в роли жертвы, с заниженной самооценкой или эмоционально зависимые от него?

«Он и из меня хочет сделать истеричку, которой можно легко управлять. Я не дам ему этого шанса!»

Лялька находит крепкое лезвие и прямо в платье ложится в ванну с теплой водой. Спокойствие овладевает ею. Скажут: из-за экзамена. Ну и хорошо!

Раздается резкий звонок. Потом настойчивый стук в дверь.

– Кто?

– Конь в пальто!

Борька влетает в прихожую и жестом фокусника сдергивает бейсболку.

– Глянь, сеструха!

Голова его матово блестит, стриженная «под ноль».

– А где твой хайер?
– Все! В армию ухожу! Р-рядовым!

Рядовой Воронин еще не знает, что в лицо ему дышит Чечня. Что в одну из боевых командировок полковник Воронин протянет ему руку и задернет в вертолет. И тем спасет его от гибели.

Лялька прилетает в Москву в летний полдень. Из Домодедово сразу едет во ВГИК. В вестибюле немногочисленно. До экзаменов еще далеко. Изучает стенд с информацией, находит приглашения на съемки в массовках. «Можно попробовать... Есть время...» И каждый день ездит на киностудию. Там ее и высматривает «помощник режиссера». Как банально! Лялька не верит в возможность получения главных ролей в кино с помощью этого тщедушного человека, вечного мальчика, но она воспринимает их общение, как необходимый атрибут «киношной» жизни. Правда, у него явно просматриваются некоторые психологические проблемы. Он способен легко начать отношения, но не знает как, а главное – зачем – их сохранить.

В принципе Помощник – добрый и, несмотря на постоянную «помощь» молоденьким актрисам, какой-то чистый. Наивный. Очень старается в постели и на съемочной площадке. Все время с кем-то ее знакомит.

– Алекс. Оператор.

Глаза-магниты. Притягивают и отталкивают. Лялька улетает далеко-далеко. Лица не видно. Виден только свет, на который она летит снова и снова. Оператор протягивает ей листок с адресом студии. Почему листок не вспыхивает от соприкосновения с Солнцем?

– Придешь!

Лялька кивает.

Она в разных вариантах представляет, как придет. Как он просветлеет лицом ей навстречу. Притянет. Прижмет.

– Я ждал. Я всегда ждал тебя!

Она уткнется ему в грудь и расскажет все-все. Про маму Наташу, без которой ей невыносимо плохо. Про папу Славика, убегающего от одиночества в одиночество. Про брата Борьку, ставшего солдатом. И они будут любить друг друга и не расстанутся никогда.

Вот и этот дом! Лялька сверяет адрес с написанным на листке, набирает код и поднимается в квартиру. Дверь открывает парень с обнаженным торсом. Оценивающе оглядывает. Одобрительно хмыкает и идет впереди нее, поигрывая мускулами.

Посреди комнаты большая кровать – «траходром». В углу – осветительная аппаратура.

– Раздевайся!

– Что?

– Раздевайся!

Еще один парень, похожий на первого, подходит к ней. Гольй. На нем ничего нет!

Загораются лампы. Лялька испуганно оглядывается по сторонам, ища спасения. За камерой на треножке – Оператор. Лицо светится. На губах мягкая подбадривающая улыбка.

– Нет! Нет!

Она бросается к входной двери. Ей страшно: убьют, наверное. Ну и пусть! Это не страшнее, чем лежать на кровати с двумя «резиновыми мальчиками» и видеть, как Оператор с профессиональной озабоченностью снимает порнографические сцены.

Но ее не задерживают. Отпускают. Наверное, думают, что когда-нибудь все равно созреет для подобных сцен.

«Какое над Москвой серое небо! То ли – смог, то ли – мрак, то ли – озноб. А может – безбожие, стужательство и разврат. Почему не сияет небо своей умытой, наполненной чистотой? Почему вползают в душу сомнения и разочарование, разъедают и делают пустой».

Лялька не замечает, как оказывается на Ленинградском вокзале.

Долго обессиленно сидит, глядя в одну точку.

Потом открывает сумочку, пересчитывает деньги и подходит к кассе.

– Воронина Ольга Вячеславовна?

– Один билет на «Красную стрелу».

«Может, в агентстве, где работает мама Наташа, нужна молодая стройная модель?»

Полутчица

Она зашла в купе и внесла с собой горе. Женщина лет пятидесяти в черном кружевном платочке, с набухшими веками и потухшим взглядом.

– С похорон я, – как бы извиняясь, произнесла она и затихла.

Парень, с которым мы до этого обменялись журналами «Спид-инфо», сразу прыгнул с верхней полки и ушел курить.

Я часто замечаю: у молодых людей даже упоминание о смерти, если, конечно, оно не в детективном романе, а в жизни, вызывает отчуждение.

А вот новая соседка явно нуждалась в помощи. Ей надо было дать выговориться.

– А кто у вас умер?

– Мама. Я всегда думала, что мама моя никогда не умрет. Каждому, наверное, кажется, что он сам и женщина, родившая его, бессмертны. Как Богородица с младенцем на руках.

За пять лет до этого я за нее очень испугалась. Приехала по телеграмме о болезни, увидела ее буквально в стадии дистрофии: бледную, изможденную. Она даже голову с трудом держала. Цеплялась за меня пергаментными ручонками, как за последнее свое спасение.

Я врачей созвала, лечение организовала, сиделку наняла на время моих отлучек. Вот эта сиделка все и подпортила. Меня всего день-то

и не было: решала дела в городе. А она маму (такую слабенькую!) искупала в комнате на сквозняке. Приехала, вижу: что-то неладно – есть перестала, угасает.

– Мамочка, мамочка! Сгребла в охапку, микроавтобус наняла, зимнее пальто на нее надела (июль, а дрожит!), уложила на подушки («Ну, чем ты у меня не принцесса на горошине?») и – в город.

В больницу не берут, шарахаются, как от чумной. И так видно: не хотят, чтобы увеличила им статистику по смертности. Но на рентгене – пневмония. И отправили в тубдиспансер. Я с детства слова «туберкулез» боюсь, это потом уже СПИДом пугать начали.

А там – таблеток нет, уколов нет, кормят плохо. Я целый день рыскаю в поисках лекарства, еду готовлю, в больницу ношу и чувствую: всё, самой кранты приходят.

А – Молдавия, лето, зной... Давление такое, что земля из-под ног уходит. Сяду на бордюр у дороги, встать не могу. Рядом – нищие. Прохожие милостыню им подают, удивляются: женщина вроде приличная...

К физическим страданиям душевные прибавились. Все мне кажется: приду в палату, а там – на маминой кровати матрас свернут. И, наверно, столько адреналина в моей крови, что в одно из посещений больницы выскакивает через приоткрытую калитку соседнего дома собака, ротвейлер, и несется на меня.

Кричу, лицо и шею руками закрываю, а она мне грудь рвет, левую, – до сердца добирается. Как от ужаса и боли не умерла, не знаю... Одна мысль: мама ждет. Вот к моим заботам еще и перевязки... Знакомая посоветовала на раны свежий творог прикладывать. Вроде как легче стало. Соседский кот Васька на твороге отъелся.

Звоню сестре, прошу: приезжай, помоги, дорога у тебя бесплатная, на пенсии уже, – пожить с мамой некоторое время можешь. Мужа нет, отчитываться не перед кем. А она мне: я на шубу коплю, у тебя есть, я тоже хочу. Свою, говорю, отдам, только помоги маму выходить. «А она разве не умрет?» Не могу я после этого с сестрой разговаривать. Неужели шуба дороже матери?

Стала я документы собирать, чтобы маму с собой забрать. Ужас! Столько препон! Два десятка справок, за каждую платить и переплачивать. И о том, что проказой не больна, и о том, что Интерполом не разыскивается...

А мне надо быстро – зима не за горами, а у мамы – легкие... «Дайте полумертвую старушку вывезти!»

Куда там! Деньги, деньги...

Говорю: «Мамочка, за тобой в больнице присмотрят, а я съезжу, половинку твою продам соседке, чтобы ничего на тебе не висело. С паршивой овцы хоть шерсти клок...»

Продала, за сто долларов. Смешные деньги! Весь ее скарб соседям раздала.

Возвращаюсь, а она – сидит на лавочке во дворе, улыбається.

– Мам, ты, что, из больницы сбежала?

– Лучше мне стало. Зачем за койку платить. Ночью – отек легких. Еле спасли. Снова – та же палата, та же кровать.

У меня с сердцем так плохо, что домой добраться не смогла. На соседней койке в тубдиспансере и ночевала. Утром доктор кардиограмму снял.

– А у вас сердце хуже, чем у вашей матери. Но что делать? «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Муж мой – молодец. Несколько раз за осень приезжал. Еле-еле документы выправили. Вывезли в Россию. Мама еще пять лет с нами прожила. Правда, условий – никаких. Одна комната в офицерском общежитии. А в ней мы с мужем, сын с женой и ребенком и бабушка. Как селедки в бочке.

И до того я устала, что случился у меня инсульт. Правая сторона отказала. Хожу, ногу подволакиваю. Рукой даже ложку держать не могу.

Невестка сначала помогала, а потом перестала: надоело. Я маму купала редко. Так обмоя слегка... Молодая кричит: «Воняет!». Посадила я тогда старушку в ванну, вымыла, а поднять не могу. И у нее встать сил нет. Помочь некому. Я кучу белья накидала, она громоздилась, громоздилась и все же как-то выкарабкалась.

Одеваю ее, смеюсь и плачу.

А слабые легкие давали о себе знать. Плеврит у нее начался. Перед смертью намучилась: откачивали жидкость сначала каждый месяц, а потом уже и каждую неделю.

– Больно, мамочка?

– Больно...

В госпиталь как-то еще брали. Правда, я оттуда почти не вылезала: и кормила с ложечки, и подмывала, и памперсы меняла.

Сестру вызвала, а она ко мне с претензией: «Зачем? Я деньги на дорогу потратила».

– Неужели маму перед смертью увидеть не хочешь?

– Да она – сколько умирает, все никак не умрет.

Все-таки пошла сестрица в госпиталь.

А мама спрашивает у нее:

– Ты кто?

Сестру мою старшую аж передернуло.

Тогда и осенило меня узнать, а кто же для нее я.

Она с хитринкой и смущением посмотрела... Дескать, что ты – за дурочку меня держишь?

– Ты – моя мама.

У меня – комок в горле. Поняла: она за той чертой, где нет ни молодости, ни старости, ни детей, ни родителей. Где только одна любовь и имеет цену.

Ну как я ее после этого брошу? И сама не обижу, и в обиду не дам.

Но виной все же сейчас мучаюсь. Когда она умирала – дома, на диванчике, стоящем в кухне, – я врача не вызвала. Не хотела продлевать ее мучения.

А, может, надо было еще со смертью побороться?

Сидела рядом, руки ее гладила и читала: «Живые в помощи Вышняго, в крови Бога небесного водворится, речет Господи заступник мой еси Бог мой и уповаю на него...».

Этой молитве мама меня когда-то научила...

Попутчица замолчала. Лицо ее посветлело...

Узор крестиком

– С днем рождения!

Почтальон протягивает мягкую бандероль.

С давно забытым детским трепетом я ее открываю. Яркая вышитая подушечка появляется на свет. Когда-то давно так вышивала мама. Но мамы нет.

– Смотри, что прислала сестра! – бросаюсь к мужу. Он спокоен. Ему трудно понять, что поднимает из глубин памяти эта вышивка крестиком.

Сибирь. Тихий городок с темными бревенчатыми домами. Долгие морозные зимы. И изумительные вышитые картины на стенах в нашей единственной комнате, которая и столовая, и спальня, и место, где мы, четверо детей, выполняем школьные задания. Уютно и красиво, как «в ящичке», – любила говорить мама.

Где брала она образцы для своих творений? Повсюду. Срисовывала, восстанавливала, придумывала, комбинировала. А однажды привела меня, маленькую, в одну семью, которая поразила. Потрясла необычностью и тайной.

В маленьком низком доме, похожем на наш, две комнаты – «зал» и «кабинет». Зал больше похож на будуар (по моему теперешнему представлению): никелированная кровать, подушки с белыми кружевами, зеркало в резной золоченой оправе, комод в ажурных салфетках, корзинка с вязанием, пальцы для вышивания, «косы» мулине, букеты анютиных глазок, георгинов и пионов на картинах хозяйки. И она сама – Полина – женщина утонченной изысканной красоты, с грустными, утонувшими в глубине души глазами, с длинными изящными пальцами пианистки. Я обмираю от неожиданности и восторга, когда ее муж, седовласый мужчина с бородкой «клинныш-ком», подносит ее легкую руку к своим губам. Такое я потом наблюдаю только в кино.

Стены кабинета (узенькой комнатки с маленьким оконцем) от пола до потолка заставлены книгами. Я никогда не видела столько книг не в библиотеке! Они почитаемы и охраняемы хозяевами. Никому не удастся получить их «на вынос». Мне случилось пару раз заглянуть в старинные фолианты и найти ответ на какой-то

мучимый меня вопрос. Я жутко завидую Володе, имеющему возможность каждый день прикасаться к бесценным сокровищам. То, что его кровать, похожая на узкую больничную кушетку, втиснута между самодельными книжными стеллажами, сыграло свою роль в жизни. Он стал писателем. Но умер рано, не дожив и до сорока лет. У него, как и у Полины, было больное сердце. Нежная голубая тень под глазами придавала и сыну, и матери какую-то печаль, прозрачность, налет обреченности, сокровенного знания и интеллигентности.

Ни одного портрета я не обнаружила среди вышитой и вязаной красоты. В Сибири между проемов окон в рамках под стеклом всегда можно увидеть лица предков людей, живущих в доме. Здесь же память о прошлой жизни была, возможно, скрыта в тайниках семейных альбомов. Я не сомневаюсь, что они существовали. Мне думается, что там, на коричневых фотографиях, были и дамы в кринолинах, и кавалеры во фраках, бравые военные и государственные деятели – люди, мечтающие о славе, но, вероятнее всего, безвестно сгинувшие в лагерях и тюрьмах.

Завеса закрытости, недоговоренности, секрета всегда висела над этой семьей. Откуда они приехали? Почему? Они не казались сосланными, как многие другие оказавшиеся в Сибири. У тех ничего с собой не было.

Где Иннокентий Павлович познакомился с этой удивительной красоты женщиной и ее маленьким сыном? Сам человек далеко не простой, он, тем не менее, относился к ним как к людям, стоящим выше его по положению. Как будто ему выпало поручение спасти и оберегать Мадонну с младенцем.

Был ли человек со странной фамилией Купор по-настоящему мужем Полины? Его возвышенное почтение к ней вызывало недоумение, а то, с каким спокойным равнодушием она принимала заботу о себе, не раз обсуждалось соседями. Она никогда не работала. В огороде не копалась. Правда, цветы выращивала. Заниматься хозяйством к ней приходила специально нанятая для этого женщина. «Больное сердце», – говорил бывший военный врач.

Как мне сейчас, с моим больным сердцем, хочется, чтобы мой муж позволил мне взять помощницу по хозяйству! А то, не ровен час, упаду между плитой и раковиной.

Узор вышивки на «думку» мама «сняла» у Полины. Никого из них уже нет на Земле. А я прижимаюсь щекой к яркой подушечке и чувствую себя маленькой и счастливой. Сколько нераскрытых тайн и загадочных судеб соприкасается с нами! Сколько забытых и непоставленных крестов по России! Вся наша жизнь по сути – узор крестиком.